

ИЛЬЯ СЕЛЬВИНСКИЙ

НА ЧЕТЫРЕХ ЯЗЫКАХ...

О ГАЗЕТЕ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФРОНТА

«ВПЕРЕД К ПОБЕДЕ»

Газета Северо-Кавказского фронта «Вперед к победе» выходила на четырех языках: на русском, азербайджанском, армянском и грузинском. Литературный отдел газеты был очень обширен. В него входил целый ряд поэтов, писателей и критиков России, Украины и Кавказа. Назову Атарова, Лосева, Колосова, Овечкина, Лиходеева, Скляренко, Фейгина, Расула Рза, Джафарова, Оганесяна, Маргиани, Эффенди Капиева и др. Постоянным сотрудником газеты был корреспондент «Красной звезды» П. Павленко, который дневал и ночевал у нас целыми неделями. Приезжали к нам и гости: Наири Зарьян, Лордкипанидзе, Мдивани, Чиковани. Они навещали Армянскую и Грузинскую дивизии, но, конечно, посещали редакцию и нередко выступали вместе с нами перед солдатами фронта.

Жили мы все очень дружно. Многие знали друг друга задолго до войны, а совместный быт на фронте особенно сближает. Люди на передовой и вообще в районе боя становятся просветленнее. Они как бы очищаются огнем. Делить нам было нечего — все помыслы были направлены к одной цели: уничтожить фашизм.

Характер нашей работы сводился к следующему: одна группа уходила на передовую линию, другая делала газету, снабжая ее материалами, добытыми накануне. Когда возвращалась первая, на передовую шла вторая, а газету делала первая. Группы эти не были постоянными по своему составу. Не все успевали вовремя «отбомбиться» статьями, очерками, стихами. Иногда кто-нибудь задерживался на передовой. Так, Марк Колосов провел на полуострове Мысхако около месяца, так как местность эта находилась под таким напряженным обстрелом, что невозможно было вернуться на «Большую землю» по собственному желанию. Иногда мы сами ездили в гости по своим подразделениям. Я, например, облюбывал 72 Кубанскую казачью дивизию, где очень подружился с генералом Василием Ивановичем Книгой, легендарным комбригом Первой Конной. Другой излюбленной мною дивизией была Грузинская. Там еще до подъема раздавалась дробь барабанщика, и солдаты чуть ли не в темноте танцевали лезгинку. Овечкин нередко навещал 91 Казачий полк. Были свои полки у Скляренко и Атарова.

Мне кажется, такая система вполне себя оправдала: писатели не только участвовали с бойцами в сражениях, но и заранее изучали свои как бы подшефные части и хорошо знали их сильные и слабые стороны. Это позволило им легко ориентироваться в боевой обстановке и не спрашивать кого бы то ни было — что происходит? А происходили иногда удивительные вещи.

И. Л. СЕЛЬВИНСКИЙ

Рисунок В. П. Высоцкого,
художника газеты «Вперед за
Родину!» (тушь, перо).

Северо-Кавказский фронт. Хутор
«Красный партизан», 10 ноября
1943 г.

Собрание И. Л. Сельвинского,
Москва

Самой необстрелянной была дивизия Азербайджана. Когда у нее кого-нибудь выбивало из строя, солдаты кучей сбегались вокруг павшего и, не обращая внимания на канонаду, начинали причитать и рыдать над собратом, как дома у тела покойника. Было в этой наивности что-то глубоко человеческое, но абсолютно немыслимое в условиях боя. Прошло немало времени, прежде чем удалось вырастить в азербайджанцах военную косточку. Поэтому, когда боец Бахтияр перегрыз горло врагу в рукопашной схватке, Расул Рза, один из самых гуманных наших поэтов, воспел его в звучных строфах. Эти стихи стали известны в Баку. Цитаты из них появились не только в газетах, но и на папиросных коробках. Бахтияр стал национальным героем Азербайджана.

Говоря о гостях, приезжавших к нам и работавших в нашей газете, я забыл сказать еще об одной разновидности сотрудников. Однажды Расул Рза принес мне переведенные на русский стихи, подписанные именем «Нигяр». Стихи мне понравились.

- Это из Баку, — сказал Расул.
- Ты знаешь этого Нигяра?
- Не этого, а эту: Нигяр — женщина.
- Как она котируется в Азербайджане?
- Ничего. Говорят, способная.

Стихи мы напечатали. Много позже я узнал, что Нигяр — супруга Расула. Как ему было радостно видеть почерк жены в своей боевой газете! Расулу казалось, что Нигяр воюет рядом с ним. Он чувствовал ее плечо. Не каждому на фронте выпадает такое счастье...

Иногда на деревню, где стояла редакция, налетали самолеты, бомбили ее, стреляли в нас на бреющем полете. Особенно мучили «фокке-вульфы», которые проносились над самыми головами. Но стреляли фашисты плохо.

ИЛЬЯ СЕЛЬВИНСКИЙ

ВОЕННАЯ
ЛИРИКА

Если не все это
 хоть одна лирика ка-
 пошлит будущему
 • если что мне при-
 лось увидеть на вой-
 не — я буду считать
 что был казачишкой
 славяном

ИЗДАТЕЛЬСТВО УЗССР
 ТАШКЕНТ 1943

Илья Сельвинский
 илл. Б. У.

«ВОЕННАЯ ЛИРИКА»
 Сборник военных стихов И. Л. Сель-
 винского. Ташкент, Госиздат УзССР,
 1943

Титульный лист с автографической
 надписью Сельвинского, 1944
 Литературный музей, Москва

Больших потерь у нас не было. Вообще, нам в этом отношении везло. Из того списка писателей, который я привел вначале, погиб один Лосев. Вот как это случилось.

Севастополь был блокирован с моря и суши, так как весь Крым находился в тот период в руках Гитлера. Севастопольская трагедия разворачивалась все стремительнее. Несмотря на высокую доблесть не только бойцов, но и всего населения, стало ясно, что удержать город невозможно. Шел девятый месяц осады, и финал ожидался со дня на день.

Наша редакция находилась в это время на Кубани.

Однажды явился ко мне Лосев и совершенно официально попросил разрешения лететь в Севастополь. Я знал, что у Лосева трое детей и не хотел рисковать его жизнью тем более, что в этом сейчас не было никакого смысла.

— Вы умеете плавать? — спросил я Лосева.

— Нет. Но какое это имеет значение?

— Если не умеете плавать, я разрешения не дам.

Лосев пошел жаловаться на меня редактору газеты полковнику Березину. Полковник не счел возможным отменить мой отказ. Но как только я ушел на передовую, Лосев снова атаковал редактора, и тот согласился на вылет его в Севастополь.

Лосев был очень отважен. Когда ему доводилось бывать на передовой, он обязательно участвовал в боях. Однажды он привез с фронта справку о том, что в качестве пулеметчика настрелял столько-то фашистов. Редактор кричал на него, так как мог лишиться хорошего литератора, но Лосев, подмигивая, шептал: «Дай боже почаще таких разносов».

В Севастополе произошло вот что. Когда город стал срочно эвакуироваться, группе журналистов, в которую входил Лосев, дали катер. Он должен был подойти к миноносцу и высадить на его борт своих пассажиров. По дороге в катер ударила мина. Он начал тонуть. Журналисты бросились в воду и поплыли к миноносцу. Как рассказывали впоследствии очевидцы, Лосев бегал по катеру и кричал:

— Я не умею плавать! Я не умею плавать!

С какой тоской он вспоминал, вероятно, разговор со мной на Кубани...

Газета прекратила свое существование в районе Тайгуч после прорыва Манштейном нашей 44 дивизии. Редакция с ходу превратилась в воинскую часть. Командиром стал редактор, комиссаром назначили меня.

На «Большой земле» газета влилась в Приморскую армию и получила название — «Боевая Крымская». Ей суждено было принять участие в полном очищении Крыма от германских фашистов.